

Михаил Ключеров

ЗАЩИТНИКИ НЕПОБЕЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ

Наш народ не удивишь героическими делами. Вот только их творцы не любят рассказывать о себе. Они считают себя рядовыми истории и на время остаются в забвении. Но ничто не проходит бесследно.

О том, что в Есильском районе Северо-Казахстанской области живут защитники Брестской крепости, я узнал случайно много лет спустя после войны. На вопрос: «Как могло случиться, что столько лет о вас никто не знал?», они откровенно отвечали:

– А что особенного мы совершили? Разве хуже дрались потом под Москвой и Сталинградом, Севастополем и Одессой?

Эти герои по-своему правы. И все-таки защитники Бугского бастиона – это олицетворение бесподобного мужества и героизма советского человека. Под Москвой и Сталинградом, Севастополем и Одессой дрались **потом**. А пример, как надо сражаться, первыми в том страшном 41-м показали они – бойцы легендарного гарнизона, сделавшие невозможное.

Их подвиг послужил превосходным уроком и для врага. Защитники Брестской крепости спутали карты немецкого командования. Передовые части гитлеровцев были уже на подступах к Смоленску, за сотни километров от Бреста, а здесь, на первом километре войны, продолжалась неравная схватка горстки людей с 45-й немецкой пехотной дивизией, поддерживаемой танками, артиллерией и авиацией. Маленький гарнизон крепости, даже застигнутый врасплох вероломным ночным ударом противника, нанес по существу первое поражение гитлеровской армии, которая до этого с триумфом прошла всю Европу. Именно поэтому каждого защитника Брестской крепости можно смело назвать героем.

Ими были Проценко Афанасий Тимофеевич из Ильинки, Бирюков Алексей Гаврилович из Александровки, Шевцов Павел Игнатьевич из Славянки, Шикунов Павел из Стрельниковки, Стародумов Андрей Степанович, Башкатов Николай Петрович, Чернскутов Николай Алексеевич, Истомин Григорий, Овчинников Александр Степанович – уроженцы села Покровки. Это известные нынче защитники крепости. Но их больше.

НАКАНУНЕ

В 1940 году Проценко, Стародумова и еще около сорока их сверстников из разных сел бывшего Ленинского района призвали в армию. Часть из них попала в 459-й полк, остальные – в 455-й, который весной 1941-го был переведен из-под Бреста в крепость.

Афанасий Проценко, Владимир Шевченко и Павел Шевцов попали в химвзвод. Стародумов, Башкатовы, Овчинников, Истомин, Ходатенко и Черноскутов были зачислены в артбатарею.

За день до начала войны каждый занимался своим делом: бойцы химвзвода изучали действие ядохимикатов и способы их обезвреживания, артиллеристы проводили за территорией крепости учебные занятия. Вечером, в субботу, всей батареей пошли посмотреть кинофильм «Чкалов». И только Роман Ходатенко остался в своей батарее – он был назначен дневальным.

В ночь на 22 июня в крепости находились небольшие подразделения. «Чувствовалось ли приближение войны?» – спросил я собеседников.

– В субботу, во время занятий, – вспоминал Андрей Стародумов, – над нами пролетали два немецких самолета. Мы еще смотрели на них через панораму орудия. Они облетели крепость и ушли назад.

– Да, – подтвердил Афанасий Проценко. – И на моих глазах немецкие самолеты не раз нарушали границу. Однажды нас подняли по боевой тревоге и выдали патроны. Это было за несколько дней до начала войны. Потом раздали, как мы их прозвали, «смертные визитные карточки». Каждый из нас написал в ней свой домашний адрес, номер части и спрятал в карманчик брюк.

Части 455 полка размещались в казармах на Центральном острове. Он был окружен р. Мухавец, которая еще до впадения в Западный Буг разделялась на два рукава. Один из них омывал цитадель крепости с севера, другой – с юга. Укрепленное место со всех сторон окружал многометровый земляной вал с многочисленными казематами и складскими помещениями. Над Центральным островом возвышалось высокое, массивное здание – бывшая церковь, переоборудованная перед войной в клуб.

Бойцы химвзвода жили в кольцевых казармах на втором этаже. Рядом с ними размещались артиллеристы и музыканты полка.

Начало войны каждый воспринял по-своему. Стародумов об этом рассказывал мне так:

– Мы спали крепким сном. И вдруг – взрывы, всполохи огня, гул. Все вскочили. «Вот это тревогу сделали», – подумал я. Как и полагается по уставу, скорее за штаны и гимнастерку. Другие тоже. А кругом гудит и грохочет. В казарме темно. Стекла вылетели. Подбежал к простенку, хотел посмотреть в оконный проем, откуда такой гул и что за молнии? В это время в стену казармы угодил снаряд, посыпался красный кирпичный дождь. Только тогда я понял, что началась война,

– Я тоже сквозь сон услышал подобие грозы, а проснуться не могу. Потом вскочил. Кругом огонь, грохот, крики, стоны первых раненых, кровь. Сначала нас охватила минутная растерянность, но она быстро прошла, и каждый из нас кинулся к пирамиде с оружием. Она стояла рядом, но пыль обвалившегося коридора и темнота заслонила ее. Мы тогда еще не знали, что незадолго до начала войны диверсанты, переодетые в форму наших бойцов, перерезали осветительный кабель.

– А что было дальше? – спросил я Афанасия Тимофеевича.

ОБОРОНА ЦИТАДЕЛИ

– Схватили винтовки и по команде сержантов Скребкова и Погорелова заняли оборону. В этом секторе ею руководил лейтенант А. Виноградов.

То же самое сделали артиллеристы. Только они сначала хотели пробиться к Мухавцу. Там, за валом, стояла их батарея. Но попытка не удалась. Немцы уже овладели валом. Пришлось вернуться и занять оборону. Ее возглавили здесь сержанты Фролов и Глебов.

Пока были патроны, стреляли из каждого окна. Так сражались до 23 июня. Все это время защитники крепости не спали – яростные атаки сменялись одна за другой. Ряды защитников редели. На глазах гибли товарищи по оружию, земляки.

Утром 22 июня немцы вышли к Тереспольским воротам, овладели ими и оказались во дворе крепостных казарм. 23 июня у многих бойцов иссякли боеприпасы. В ход пошло оружие убитых и тяжело раненых товарищей. Кое-кто дрался трофейными автоматами. Но все чаще и чаще слышались возгласы, что кончаются патроны. И тут кто-то вспомнил, что недалеко от казарм находится склад боеприпасов. Эта весть обрадовала бойцов, потому что можно было терпеть – и терпели! – нехватку еды, медикаментов, перевязочного материала, но только не боеприпасов и оружия. Через нижний этаж добрались к складу, сорвали замки, выкатили два станковых пулемета, набрали патронов.

Сразу хотели пробиться к Мухавцу, но мост, северный и западный острова были уже заняты немцами, их автоматчики встретили наших шквалом огня и забросали гранатами. Некоторые защитники бросались вплавь, но мало кому удалось переправиться на другой берег.

Во время этой атаки осколок угодил в ногу Проценко. Спас каблук солдатского ботинка. Ранило в голову политрука. Его перевязали, и он приказал занять оборону в своих казармах.

Один станковый пулемет затащили на второй этаж и выставили в окно. В пулеметном расчете оказался Алексей Бирюков.

«Максим» отразил не одну вражескую атаку. Не давали пулеметчики покоя и тем, кто засел в церкви. Они стреляли по ее стрельчатым окнам. Выведенные из терпения фашисты на другой день выдвинули сюда танк. Он появился метрах в ста от казарм. «Максим» прошелся по нему очередь. Танк развернул свой длинный ствол и прямой наводкой ударил по расчету. Проценко и Стародумов успели отскочить за простенок. Снарядом снесло пулеметный ствол. Одного пулеметчика смертельно ранило в голову. На пороге показался Бирюков. Зажав руками окровавленную грудь, он успел сказать всего одно слово: «Спасайте...» И тут же упал. Андрей и Афанасий бросились к земляку, но он был уже мертв.

Загорелась казарма. Стародумов и Проценко кинулись на нижний этаж, но огонь и завалы отрезали выход. Тогда они нашли «черный» ход, заколоченный досками. Быстро разобрали его, связали солдатские обмотки и спустились по ним на первый этаж.

Андрей оказался у самых Брестских ворот. Поблизости стояла 76-миллиметровая пушка. В ее расчете осталось два человека. Третий лежал убитым. Стародумов, не теряя ни минуты, бросился к снарядам и стал подавать их.

Помощь оказалась своевременной – немцы снова пошли в атаку. «Заговорила» пушка, но фашистскому снайперу удалось убить еще одного артиллериста. Оставшиеся бойцы продолжали отбивать атаку, не сбавляя скорострельности. В критический момент, не дождавшись наката ствола, они снова зарядили орудие и дали залп. Это был последний выстрел – слетел ствол пушки.

В жаркой схватке Стародумов не заметил, как расстался с Проценко. Афанасий же, выбравшись из горящей казармы, занял оборону на первом этаже.

Крепость продолжала держаться. Ни яростные атаки, ни бомбежки и артиллерийские обстрелы, ни огонь пожарищ, ни голод, ни смерть боевых товарищей, которых наскоро, в минуты затишья, но чаще ночью, хоронили в подвальных помещениях – ничто не могло сломить стойкости ее защитников.

Боеприпасы и оружие пополнялись за счет убитых бойцов во время атак. О еде почти не думали, голод еще как-то терпели. Труднее было переносить жажду, особенно раненым. О них, как ни трудно было, заботились в первую очередь. Ночью находились добровольцы и уходили за водой к Мухавцу. Ходил за ней и Проценко. Фляжка воды многим стоила жизни – вражеские пулеметчики, зная бедственное положение защитников укрепления, держали под усиленным обстрелом все подступы к реке и обводным каналам. Но люди шли за ней и добытую воду отдавали прежде всего раненым.

Завязавший в крепости неприятель начал предлагать ее защитникам сдаться на их милость.

– Ваше сопротивление бесполезно, – трубили они. – Помощи ждать неоткуда. Наши войска победоносно продвигаются к Смоленску. Скоро падет Москва. Предлагаем сдаваться. На размышление даем 15 минут.

И артобстрел сменялся короткой непривычной тишиной. Бойцы использовали это время для укрытия и перевязки раненых. Прислушивались к едва доносившейся с востока канонаде. «Как быстро удаляется, – думали герои крепости. – Еще вчера она была хорошо слышна. Значит помощи и вправду ждать неоткуда. Что ж, будем рассчитывать на свои силы».

И каждый готовился к неравной борьбе в плотном окружении врага.

– Осталось пять минут! – напомнило радио.

Но прошли и эти минуты, а крепость молчала. Тишина взорвалась разом. На укрепление дождем посыпались снаряды. Горело все, что могло гореть: деревья, земля, казармы, трупы. И так повторялось много раз.

24 июня участок казарм, обороняемый бойцами 455 полка, был разрушен почти полностью. Пришлось оставить нижний этаж и перебраться в подвальные помещения, а затем и еще ниже – в подземные ходы.

Но и сюда проникал удушливый дым пожарищ и трупный запах. Люди задыхались. Еще сильнее мучили жажда и голод. На исходе были боеприпасы.

В этот же день было решено сделать еще одну попытку прорвать оборону противника. Часть деревянного моста через Мухавец была сожжена, поэтому оставалось форсировать реку вплавь. Но немцы преградили дорогу шквалом огня. Потеряв немало убитыми (в этот раз утонул Павел Шикун), группа прорыва отступила на прежние позиции и заняла круговую оборону.

На другой день, 25 июня, группа бойцов, в которую входили Проценко, сержанты Скребков и Погорелов, предприняла попытку пробиться к полковому клубу и соединиться, как прошел слух, с закрепившимися там нашими

защитниками. К этому времени купол церкви был снесен снарядами, в окнах и стенах зияли пробоины – свидетельство того, что за эту ключевую позицию не раз разгорался жестокий бой. И сейчас там шла пальба.

Человек двадцать, собравшись в один кулак, бросились к офицерской столовой, выбили оттуда немцев и устремились к церкви, которая неожиданно замолчала. Атакующие бойцы подумали, что их заметили свои. Никто не подозревал тогда, что они сами идут в ловушку – в церкви были немцы. С этого часа для Проценко и его боевых друзей начался долгий и мучительный плен.

А как же Стародумов? Он держал оборону крепости еще два дня – до 27 июня.

Днем раньше по решению штаба сводной группы планировался прорыв вражеского кольца изнутри. Для этой цели был создан головной отряд прорыва. В него вошли Стародумов, Александр и Николай Башкатовы, Павел Шевцов.

Бойцы, которые плохо плавали, заранее заготовили доски, а кто совсем не мог, тот приспособил под плот часть сорванной крыши, достал шести. Атака началась стремительно. Закипел бой. Стародумов бросился в воду в полном снаряжении. Но одежда скоро набрякла водой, и он почувствовал, что не доберется до берега. Хотел в воде сбросить сапоги – не вышло. Пришлось возвращаться назад. На берегу быстро снял обувь, схватил винтовку и снова бросился в Мухавец. Плыл на обломке доски, кем-то оставленной на берегу.

На середине реки он увидел, как тех, кто плыл на плоту и уже не доставал шестом дна, течение понесло в сторону немцев, поливавших с моста смельчаков пулеметным огнем. Наши бойцы поняли грозившую им опасность, попрыгали в воду, некоторые начали тонуть.

Среди тех, кому удалось преодолеть водную преграду и сильный заградительный огонь, были Стародумов, Башкатовы, Шевцов. Но эта удача ни для кого не явилась спасением. Отряд хотя и выполнил свою задачу – пробился за внешние крепостные валы, а к концу дня вышел южнее крепости, был разбит.

Стародумову судьба подарила еще один день свободы. Он проник в заброшенный гараж на кирпичных столбах, приваленный сверху земляным валом, и решил переждать здесь. Пересчитал патроны, осмотрел винтовку.

Неожиданно его охватила жажда. Он вспомнил, что не пил двое суток. И стало обидно – ведь совсем недавно он был в Мухавце. Казалось невероятным: быть в воде и не вспомнить о жажде... Выход оставался один – искать воду здесь, под ногами, как это делали не раз в крепости, в подвалах. Нашупав повлажнее место, Андрей стал копать штыком яму. Появилась грязная жижа. Жадно припал к ней, смешивая мутную жидкость с соленым потом, обильно стекавшим с лица, покрытого пылью и гарью. Стало легче. Расслабились мышцы. Страшно захотелось спать. Но уснуть не пришлось – рядом слышались немецкие голоса.

Утром, осмотревшись по сторонам, Стародумов заметил, что находится недалеко от своей батареи. «Что с пушками? Жив ли Ходатенко? – спрашивал себя Андрей. – Были бы только годны орудия, а там увидим, что делать». И его неотвратимо потянуло к своей батарее.

Выбравшись из укрытия, Андрей пополз к обводному валу, благополучно перевалил через него и тут же, словно из-под земли выросли, оказался в окружении шестерых немецких автоматчиков. Хотел вскинуть винтовку, но один из фрицев со страшной силой ударил прикладом сначала по одной руке, потом по другой. Винтовка упала к ногам, а руки повисли, как плети.

В ПЛЕНУ

Из церкви пленных перевели в подвальное помещение, а вечером на понтонных лодках переправили через Буг. Афанасий заметил, что на берегу стояли орудия разных калибров. Проценко и других военнопленных погнало дальше. Недалеко от границы наши бойцы увидели польскую деревушку из одной улицы. Вдоль нее стояли высокие камышитовые щиты. Эта нехитрая маскировка несколько дней назад искусно скрывала подтянутые к границе вражеские войска и технику.

В Бяла Подляске Проценко встретился с Виноградовым, а через пару дней увидел Башкатовых (в 41 -м они дважды бежали из лагеря, попали к партизанам, но вскоре погибли), Истомина, Стародумова, Черноскутова, Шевченко, Ходатенко, Шевцова.

Скоро Афанасий, Андрей, Шевченко и Шевцов попали в рабочую бригаду. Их отправили в другой лагерь. Оттуда под конвоем водили на товарную станцию разгружать вагоны. Содержали и обращались с пленными, как со скотом: измученные и больные люди спали под открытым небом на земле, кормили брюквой и эрзац-хлебом, который бросали через проволоку под ноги. Некоторые не выдерживали и пробовали бежать. В таких стреляли без промаха.

Осенью, когда начался сыпной тиф, больных пленных перевели в карантинное отделение. Здесь от Якова Курчаева Стародумов и Проценко узнали о Мурзине Иване, который служил под Брестом в 459 полку. За сигарету, добытую Курчаевым, уговорили полицейского пропустить их в палату к земляку.

Друзья помогли выходить его. Они и позже не раз приходили к нему на выручку. В Краковском лагере, например, Афанасий заступился за Ивана, в ответ на это охранник ударил Проценко в лицо кованым сапогом и едва не выбил глаз.

– И в лагерях все наши вели себя так, как и при защите крепости. Никто не поднял руку и не сказал немцам, что он хорош. Поэтому и в неволе на каждого можно было смело положиться, – рассказывали мне при встрече Афанасий и Андрей.

Окрепших пленных, в их числе Проценко, Стародумова, Шевченко, Шевцова и Мурзина, перевели в лагерь под Варшаву, затем в Краков. Каждому на шею повесили дощечку с лагерным номером. Работать заставляли из последних сил. Кто не выполнял норму или занимался не тем, что нужно немцам, того травили собаками, били прикладами, дубинками. Не раз получал их Афанасий Тимофеевич.

В сентябре 1943 года тех, кто посильнее, отобрали для работы в шахтах Германии. Таких набралось около трехсот человек. Их загнали в товарные вагоны и повезли. Группа пленных договорилась в пути бежать. Как ни обыскивали их в лагере немцы, у некоторых невольников оказались кусочки острого железа, пилочки, металлические прутьики и даже ножи. Один из них Проценко сумел спрятать и пронести в рваной шинели.

К делу приступили вечером, и к ночи в вагоне были вырезаны в сторону тамбура несколько досок. Из вагона выскакивали на ходу поезда. В числе первых бежал Афанасий. Не заметила охрана и других. Она открыла стрельбу тогда, когда один из пленных в темноте спрыгнул на обходчика путей. Тот заорал от испуга. Началась беспорядочная пальба. Остановили поезд. Пересчитали пленных. Из вагона бежали человек десять. Остальных отправили в лагерь. Так снова расстались Проценко и Стародумов. На этот раз до конца войны.

Из интернационального лагеря Стародумова и Мурзина перевели в город Киль. Шла весна 1945-го. Здесь пленных хотели потопить, но порт уже контролировался английской авиацией. Тогда немцы вывезли пленных в датский город Орхус.

Буквально на другой день Иван и Андрей, проявив смелость и находчивость, бежали на рассвете из-под охраны и попали к местным партизанам, которые уже держали под наблюдением эшелон с пленными и не давали ему выйти со станции: датчане днем ремонтировали железнодорожную ветку, а ночью взрывали ее.

Через несколько дней партизаны освободили всех военнопленных и приступили к разоружению эсэсовцев, оказавших сопротивление.

Наши бойцы предложили датчанам свою помощь, но они ответили, что справятся сами.

Спустя полтора месяца в Орхус приехали советские представители и забрали своих граждан на родину. Освобожденный Стародумов сначала работал на заводе в Краматорске, потом вернулся в Покровку и двадцать с лишним лет трудился хлеборобом, более десяти лет – на Петропавловском мясокомбинате.

А что случилось после побега с Афанасием? Вслед за Проценко из вагона выпрыгнул белорусский парень. Когда остановился поезд, они были уже далеко от железнодорожного полотна. На день скрылись в перелеске. На восток продвигались только ночами, так как днем всюду шли полевые работы. Ориентировались по звездам. А еще по солнцу: шли в обратную сторону от захода, туда, где завтра должен был заняться рассвет. Так шли с неделю, пока на заре не наткнулись в заповеднике на лесников, сидевших в засаде на какого-то зверя. Бежать было бесполезно – у охотника глаз меткий.

Начали просить отпустить их. Один из лесников не возражал, другой же, посмотрев на драную одежду и отличительные знаки, написанные белой краской на спине гимнастерки и правом колене брюк, пошел звонить в полицию.

Там разговор был недолгим. Снова отправили в лагерь. Шестеро из бежавших уже находились за колючей проволокой. Через неделю всех увезли в Краковскую тюрьму. Здесь держали до июня 1944 года.

С приближением Советской Армии беглецов, а их набралось человек 120, снова погрузили в эшелон – и в Германию. Сначала везли по сорок человек в вагоне, но после того, как в каждом из них обнаружили следы подготовки к побегу, всех раздели и загнали в один вагон. Многие погибли в пути от удушья.

20 июля 1944 года, в день покушения на Гитлера, в лагере обнаружили подкуп. Его готовил кто-то раньше, но расвирепевшие гитлеровцы выстроили всех пленных и вывели каждого десятого на расстрел.

Судьба распорядилась так, что русских пленных перебросили под Гамбург, где под усиленной охраной всю зиму строили подземные убежища. Здесь Проценко услышал от немецких граждан, что наши войска ведут бои за Берлин.

Незадолго до освобождения гитлеровцы хотели собрать всех пленных, посадить на пароход, вывезти в море и взорвать корабль. Осуществить этот злодейский замысел помешали передовые части американцев. Заняв Гамбург, они взяли под свою охрану военнопленных, а через две недели передали их советскому командованию.

Рядового Проценко снова зачислили в ряды Красной Армии и оставили служить в Германии. Домой Афанасий вернулся в сентябре 1946 года. Первое время работал сапожником, потом трактористом, плотником, электриком в родной ему Ильинке.

